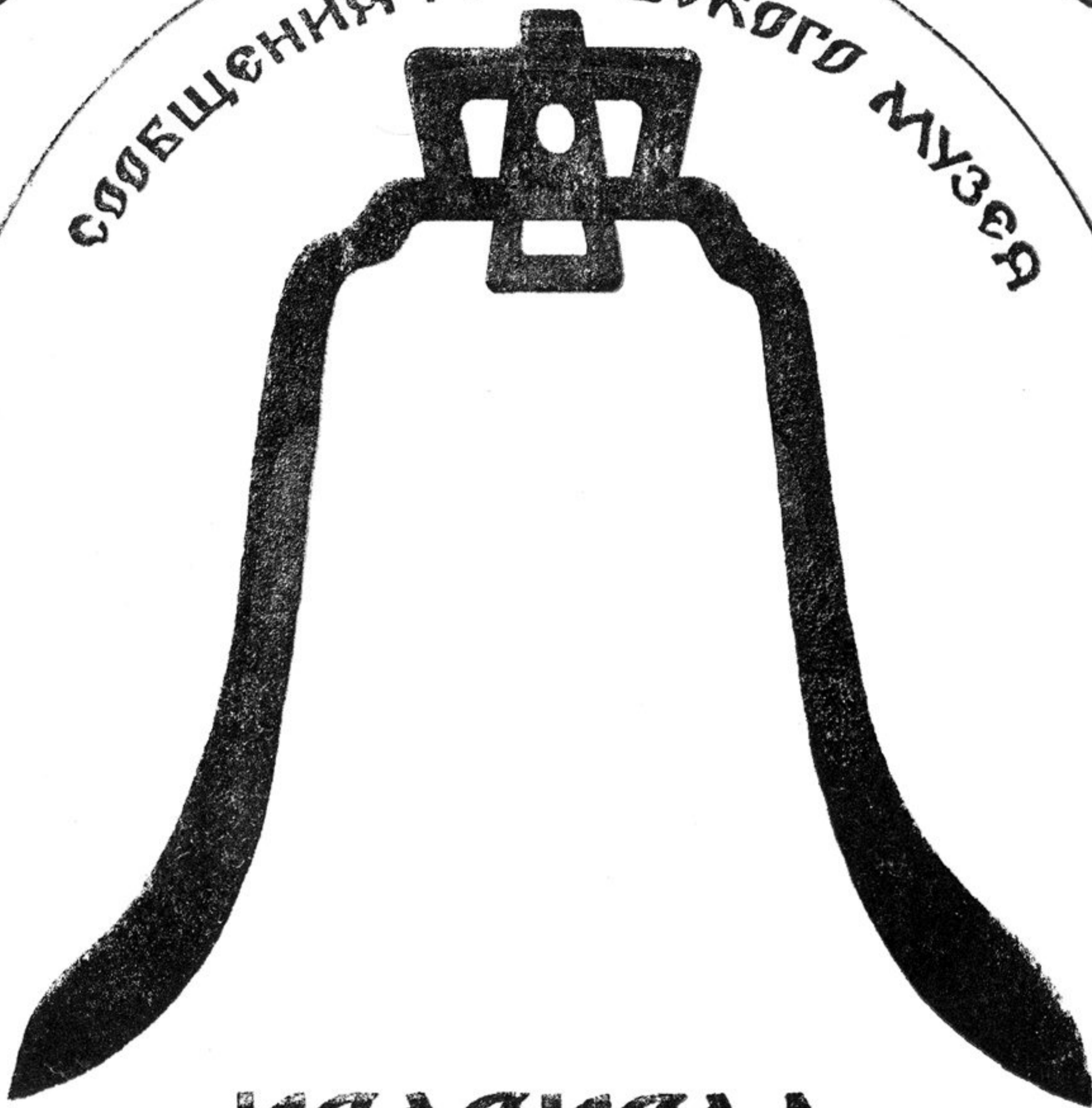

СООБЩЕНИЯ РОСТОВСКОГО МУЗЕЯ

КОЛОКОЛА
И КОЛОКОЛЬНИ
РОСТОВА ВЕЛИКОГО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«РОСТОВСКИЙ КРЕМЛЬ»

Сообщения
Ростовского музея

ВЫПУСК VII

КОЛОКОЛА И КОЛОКОЛЬНИ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Ярославль
ФГИ «СОДЕЙСТВИЕ»
1995

ББК 78.381
С 63

Сообщения Рюетовского музея: Выпуск VII. Колокола и колокольни Ростова Великого. — Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Содействие», 1995. — 248 с.

Редактор-составитель А. Г. Мельник.

С $\frac{4400070000-009}{M 798 (03)-95}$ без объявл.

© Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 1995.

ISBN 5-85975-037-4

⁴⁶ РФ ГАЯО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 102. Л. 4, 24.

⁴⁷ Там же. Л. 78—79.

⁴⁸ Там же. Л. 117, 127, 128.

К ИСТОРИИ УНИЧТОЖЕНИЯ РОСТОВСКИХ КОЛОКОЛОВ

А. Е. Виденеева

До революции в Ростове и Ростовском уезде на церковных и монастырских колокольнях насчитывалось более 1200 колоколов¹. К настоящему времени из этого огромного числа уцелело лишь несколько десятков. Некоторым обстоятельствам гибели ростовских колоколов посвящена данная работа.

В январе 1918 г. в России вступил в силу декрет СНК «О свободе совести...», согласно которому все «церковное имущество» объявлялось народным достоянием, а право распоряжаться им возлагалось на местные органы власти². Национализированные храмы вместе с «богослужебным имуществом» передавались «в пользование» верующим. В число «богослужебного» имущества входили колокола. Проводя в жизнь это постановление, Ростовские Советы депутатов в 1919 г. передали храмы и колокольни города и уезда общинам верующих³. Таким образом, с 1918—1919 гг. церковные общины Ростова и Ростовского уезда лишились права распоряжаться собственными колоколами. Юридическим лицом, ответственным за ростовские колокола, стал считаться Ростовский Совдеп.

В 1927 г. XV съезд ВКП(б) провозгласил курс на индустриализацию страны. В области тяжелой индустрии особое внимание было обращено на развитие черной и цветной металлургии⁴. При этом подразумевалось, что одним из источников поступления цветных металлов должны стать колокола. Не случайно необыкновенную популярность в то время приобрел лозунг «Колокола — в фонд индустриализации страны!» Ярославская газета «Северный рабочий» в 1929 г. призывала: «Ярославцы! Сдадим государству весь цветной металл, который не используется на дело. ...Для скорейшего осуществления плана великих работ требуется большое количество цветного металла. Советский Союз испытывает медный голод. ...Наше требование — снять все колокола с имеющихся церквей и сдать их на дело индустриализации страны. ...На то мы и

строители социализма, чтобы сметать все ненужное с нашего пути и превращать неиспользованные ценности в полезное для всех трудящихся Советского Союза дело»⁵.

С конца 1920-х гг. Ростовская организация Союза Воинствующих Безбожников (СВБ) развернула среди жителей города агитацию, направленную на прекращение колокольных звонов и снятие колоколов. Так, 3 ноября 1929 г. на районном заседании совета СВБ, созванном в преддверии празднования 12-й годовщины Октябрьской революции, было принято постановление, предписывающее всем городским ячейкам СВБ «провести кампанию по закрытию колокольного звона и передачу колоколов на индустриализацию страны»⁶. Городские ячейки СВБ после обсуждения этого вопроса на своих собраниях приступили к агитации населения, выделив из своей среды «уполномоченных», которым поручался сбор подписей жителей города под требованиями о прекращении колокольного звона в Ростове. На агитационных представлениях «живой газеты» «Безбожник» в 1929 г. звучали стихи:

*«Пусть умолкнут церковные звоны,
Не тревожат трудящихся слух.
Перельем колокола в меди тонны
И заменят их трактор и плуг»⁷.*

По данным Ростовского райисполкома, под безбожническими воззваниями поставили свои подписи более 7,5 тысячи человек⁸.

В первые январские дни 1930 г. Ростовский горсовет предпринял попытку временного запрещения в городе колокольных звонов. 6 января начальник административного отдела Ростовского райисполкома Малков обратился ко всем церковным общинам Ростова с предложением во время Рождественских праздников (6—8 января) «воздержаться от колокольного звона». Членам церковных советов, осмелившимся выступить против этого, грозило привлечение к ответственности в административном порядке⁹. В результате на Рождество 1930 г. ростовские колокола молчали.

Вслед за временными мерами последовали кардинальные решения. Менее чем через два месяца местные органы власти запретили колокольные звоны в Ростове окончательно. 28 февраля 1930 г. на заседание пленума Ростовского горсовета был вынесен вопрос о прекращении колокольного звона и снятии колоколов. Постановление гласило: «Имея в виду, что о прекращении колокольного звона заявило 7,5 тысяч человек

жителей Ростова и прилегающих к нему слобод, решено колокольный звон прекратить и просить РИК возбудить ходатайство перед соответствующими органами о снятии колоколов с церкви города и передачи их в фонд индустриализации». Члены церковных советов всех храмов Ростова обязывались давать подписку в том, что им «действительно объявлено о прекращении церковного звона»¹⁰. Итак, с конца зимы 1930 г. колокольные звоны в Ростове были официально запрещены.

Закономерным следствием запрещения колокольных звонов явилась «ликвидация» бездействующих колоколов. Механизм уничтожения колоколов был следующим. После закрытия храма колокола, наряду с наиболее ценной частью «церковного имущества» зачислялись в госфонд. Реализация колокольной бронзы по второй половине 1920-х—1930-е годы производилась через акционерное общество по торговле металлами, минералами и металлическим ломом — Рудметаллторг¹¹. В конце 1930-х—1940-х гг. колокольную бронзу принимали заготпункты Вторцветмета, при этом стоимость одной тонны колокольного лома составляла 8350 руб.¹².

Часть колоколов из закрытых храмов передавалась в Ростовский музей. Некоторые из хранящихся в музее колоколов подлежали реализации, то есть поступали в Рудметаллторг непосредственно из музея. С конца 1920-х гг. в музей регулярно посылались циркуляры и даже направлялись должностные лица с целью обследования фондов музея «на предмет выделения в Госфонд имущества немусейного значения», в том числе и колоколов¹³. При изъятии колоколов из музея мнение музейных сотрудников зачастую не принималось во внимание. В 1929 г. за невыполнение распоряжения о передаче из фондов музея в госфонд «предметов из драгоценного металла» был снят с должности директор музея Дмитрий Алексеевич Ушаков, возглавлявший Ростовский музей в 1920-х гг.¹⁴ В отчетной документации музея сохранились сведения о количестве колокольной бронзы, направленной в Рудметаллторг через Ростовский музей во второй половине 1920-х гг.:

1926 — начало 1929 гг.	— 12907 кг (16 колоколов).
1929 г.	— 45836 кг, в том числе:
7 мая	— 4733 кг (5 колоколов);
11 июня	— 3748 кг;
21 августа	— 17979 кг;
24 октября	— 15600 кг;
22 декабря	— 3776 кг ¹⁵ .

Как видим, в 1929 г. через музей прошло в три раза больше колоколов, чем за три предыдущих года. К началу 1930-х гг. в фондах Ростовского музея числилось всего лишь около двух десятков небольших колоколов, представлявших интерес либо в историческом, либо в музыкальном отношении. Эти колокола сохранялись с целью их возможного экспонирования, а также в качестве материальной основы «музейного подотдела звонных инструментов»¹⁶.

Во второй половине 1920-х гг. Главнаука издала ряд постановлений, регламентирующих порядок изъятия колоколов. Так, согласно циркуляру «О ликвидации колоколов» от 29 декабря 1926 г. музеи обязывались сообщать «обо всех случаях самовольной съемки и реализации колоколов церквей и монастырей, находящихся в ведении или на учете Главнауки» в целях «не допущения самочинных действий». В инструкции «О ликвидации колоколов, не имеющих историко-художественного значения» от 30 марта 1927 г. указывалось, что изъятию подлежат все колокола XIX—XX вв. кроме тех, которые отличались какими-либо «совершенно исключительными деталями». Из колоколов XVIII в. сохранялись лишь те, которые обладали музейной ценностью или имели особое историческое значение (например, были снабжены надписями, украшениями или особым образом связаны с местом нахождения). Колокола XVII в., как древние памятники, безусловно подлежали сохранению¹⁷. Однако мы сомневаемся, что на практике эти рекомендации брались в расчет.

По отчетам Рудметаллторга, за период с 1926 г. по май 1930 г. в Ростове было изъято около 73,5 тонны колокольной бронзы (при этом не учтен вес колоколов Спасо-Яковлевского монастыря).

Название церкви, монастыря	Дата закрытия	Вес изъятых колоколов
Рождественский монастырь	1926 г.	3748 кг
Крестовоздвиженская церковь	1928 г.	7571 кг
Борисоглебская церковь	1928 г.	1814 кг
Покровская церковь	1928 г.	5946 кг
Благовещенская церковь	1928 г.	2555 кг
Николоподозерская церковь	1929 г.	3700 кг
Предтечевская церковь	1929 г.	5602 кг
Леонтиевская церковь	1929 г.	5897 кг
Введенская церковь	1929 г.	3080 кг
Преображенская церковь	1929 г.	2539 кг
Лазаревская церковь	1929 г.	3580 кг

Название церкви, монастыря	Дата закрытия	Вес изъятых колоколов
Покровская церковь	1929 г.	7864 кг
Петровский монастырь	1930 г.	4324 кг
Троице-Варницкий монастырь	1930 г.	8211 кг
Церковь Константина и Елены	1930 г.	2635 кг
Церковь Михаила Архангела	1930 г.	4324 кг ¹⁸

По Ростовскому району к концу мая 1930 г. было реализовано около 46 тонн 800 кг колокольной бронзы, в том числе: с. Поречье — 23389 кг; г. Петровск — 7171 кг; с. Песошня — 1699 кг; с. Любилки — 3471 кг; с. Горки — 4588 кг; с. Троице-Нарядово — 5000 кг¹⁹.

Вторая советская пятилетка была объявлена «пятилеткой безбожия». К ее окончанию — первомайским торжеством 1937 г. предполагалось «ликвидировать» все действующие храмы и «изгнать само понятие Бога»²⁰. Не удивительно, что за период с 1930 по 1933 гг. в Ростове были закрыты почти все оставшиеся к тому времени действующими приходские храмы, а в Ростовском районе перестало действовать большинство сельских церквей. К концу 1930-х гг. в городе остались две действующие церкви — Никольская и Толгская, а в районе — 25 незакрытых храмов, 10 из которых, впрочем, не действовали по причине отсутствия священнослужителей²¹. Не уцелели и колокола. К примеру, только за первую половину 1935 г. в Ростовском районе была «заготовлена» 61 тонна 460 кг колокольной бронзы²². По данным отчета Ростовского райисполкома, к октябрю 1936 г. в Ростове были сохранены колокола соборной звонницы, а в Ростовском районе — колокольные наборы семи храмов²³.

К настоящему времени в неприкосновенности сохранились колокольные наборы ростовского Успенского собора (15 колоколов) и церкви Иоанна Богослова на реке Ишне (4 колокола).

Итак, основная часть колоколов, существовавших в Ростове и Ростовском уезде, погибла во второй половине 1920-х—1930-е гг., в период разгула провозглашенных советской властью антирелигиозных кампаний и «безбожных» пятилеток. В целом в Ростове и на территории бывшего Ростовского уезда было уничтожено более тысячи колоколов.

- ¹ Виденеева А. А. О колоколах Ростова и Ростовского уезда в начале XX в. //Проблемы истории и культуры. Ростов, 1993. С. 187—194.
- ² Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 373—374.
- ³ МЗРК. А-539, А-724—А-730, А-734, А-952, А-953, А-1017, А-1023, А-1024, А-1027—А-1030, Р-921; РФ ГАЯО. Ф. Р-153. Оп. 2. Д. 1—126.
- ⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Центрального Комитета. Ч. 2. М., 1954. С. 432—491.
- ⁵ Газета «Северный рабочий». Ярославль, 1 ноября 1929 г.
- ⁶ МЗРК. А-710.
- ⁷ МЗРК. А-956.
- ⁸ РФ ГАЯО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 35. Л. 70.
- ⁹ Там же. Л. 79.
- ¹⁰ Там же. Л. 70—78.
- ¹¹ РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 53. Л. 87.
- ¹² РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 132. Л. 17.
- ¹³ РФ ГАЯО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 102. Л. 24.
- ¹⁴ МЗРК. А-204. Л. 90 об., 94 об., 95 об.
- ¹⁵ МЗРК. А-175; А-158. Л. 48
- ¹⁶ МЗРК. А-158. Л. 48, 49 об.
- ¹⁷ Г а л а й Ю. Б. Нормативные акты об охране колоколов и их практическая реализация в Нижегородской губернии. //Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов III региональной конференции. Нижний Новгород, 1992. С. 88.
- ¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 53. Л. 53, 44, 62, 87.
- ¹⁹ Там же. Л. 87—87 об.
- ²⁰ Безыменский Ю. 1932 год в стиле ретро. //«Огонек». 1991. № 52, С. 24.
- ²¹ РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 74. Л. 9.
- ²² РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 2. Л. 347.
- ²³ Там же. Л. 70.